

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛОКУРОВ
(1862-1918)

Послесловие к изданию II тома «Истории Русской Церкви» академика Евгения Евсигнеевича Голубинского¹

Мои сношения с Е. Е. Голубинским начались в первые годы моего пребывания в Московской духовной Академии, куда я поступил в 1882 г., т.е. вскоре после выхода 1-тома «Истории Русской Церкви», составленного Е. Е. (1880-1881 гг.). Не задолго до своей смерти он говорил, что я, в первый раз придя к нему, принес составленный и изданный мною «Указатель ко всем периодическим изданиям Общества Истории и Древностей Российских при Императорском Московском Университете за 68 лет, 1815-1883 гг.», вышедший в сентябре 1883 г. Вероятно тогда же я передал ему и оттиски первых своих статей, напечатанных в «Христианском Чтении» 1882 г.: а) «Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона (№№ 7-8 за 1882 г.) и б) «Собрание патриархом Никоном книг с Востока» (№№ 9-10 за 1882 г.). Из весьма кратких записей в моих тетрадях видно, что я 11 Ноября 1884 г. и 13 Января 1885 г. беседовал с ним по поводу найденного мною свидетельства Сильвестра Медведева об исправлении церковно-богослужебных книг при патр. Никоне. Е. Е. Голубинский придавал большое значение новому известию и, не поверив моей передаче его, потребовал точной копии.

На 4-м курсе (1885-1886 гг.) мы должны были писать «кандидатское» сочинение, при чем студенты сами выбирали профессора, по кафедре которого желали заниматься. Я без колебаний отправился к Е. Е. Голубинскому и легко получил его согласие, несмотря на то, что у него уже записалось достаточное количество студентов. Помню, что при этом посещении своем я передал Е. Е.-чу оттиски своих статей: а) «Статейный список и прения с греками о вере старца Арсения Суханова» и б) «Поездка старца Арсения Суханова в Грузию 1637-1640 гг.» (Христианское Чтение за 1883 г. №№ 11-12 и за 1884 г. №№ 3-4). Об этом старце я намерен был писать сочинение

¹ Рукопись неоконченного труда С. А. Белокурова подготовлена к печати А. А. Платоновым (см. также *Fontes Slavicae Orthodoxae* I, с. 153-160).

и эта тема была одобрена Е. Е.-чем. Во время моих занятий Е. Е. Голубинский давал в нужных случаях советы и содействовал выписке для меня рукописей из Казани и Киева. Оставшись весьма доволен моим сочинением, Е. Е. велел заняться дальнейшим его усовершенствованием для напечатания и подачи на степень магистра богословия.

Установившиеся таким образом добрые отношения между нами не прекращались до самой смерти Е. Е.-ча.

Когда мое исследование об Арсении Суханове было приготовлено к печати, Е. Е. Голубинский еще раз прочел его и отметил те места, которые требовали улучшения и дополнительных изысканий; а при печатании заявил желание читать последнюю корректуру. И вообще ко мне, как автору исследования «Арсений Суханов» (ч. 1, М., 1891 г.), заявил себя самым благожелательным человеком. В отзыве об этой работе, который Е. Е. подал в Академию, он писал, что работа, «будучи плодом продолжительных самых неутомимых разысканий по архивам и библиотекам, по всей справедливости должна быть признана за ученый труд замечательный». А свои возражения на моем диспуте, происходившем 27 Октября 1891 г., он закончил словами: «Я старался воздать должное вашему трудолюбию и достоинствам вашей диссертации в моем отзыве, который подал в Совет, и не буду повторять себя. Здесь в заключение, позволю себе высказать искреннее желание, чтобы в будущее время и навсегда вы остались тем неутомимым изыскателем в области русской истории, каким вы заявили себя до сих пор».

Года через 3 после моего диспута Е. Е. Голубинский обратился к моему посредству для напечатания его статьи в Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, в редактировании коих я тогда уже принимал участие. «У меня, писал он 3 мая 1894 г., будет к Вам другая, большая, просьба о напечатании в Чтениях моей статьи». Еще в 1889 г., Е. Е. Голубинский предполагал напечатать свою работу под заглавием «К нашей полемику со старообрядцами» в Православном Обозрении, издававшемся протоиереем П. А. Преображенским. Начало ее (5 печатных листов) было уже набрано; но духовный цензор испугался новых взглядов Е. Е. и признал, что последний «дает сильное орудие невежественным представителям раскола против православных борцов с ними, так как означенная статья ясно и решительно утверждает, что все дело полемики православных против раскольников до настоящего времени велось с научной точки зрения неправильно. При этом при изложении каждого частного пункта спора между православными и раскольниками автор предлагает совершенно равносильные орудия тем и другим и таким образом оказывает раскольникам такую помощь, какой они доселе не имели, а защитников православия поставляет также в неизвестное доньше затруднительное положение пред раскольниками». — «В виду вышеизложенного и принимая во внимание указ Свят. Синода от 16 Августа 1888 г. за № 4636, Московский духовноцен-

зурный Комитет на основании 283 ст.² Устава духовной цензуры не находит возможным разрешить для печати означенную статью г. Голубинского».

Редактор «Православного Обозрения» прот. П. А. Преображенский сперва намерен был жаловаться на это постановление. 12 Ноября 1889 г. он писал Е. Е. Голубинскому: «этого дела оставить нельзя без протеста. Я решился обратиться в Синод с протестом от редактора и от Вас. Цензор составил такой подлый доклад о статье, так подтасовал из разных мест статьи отдельные выражения, что возмутительно. Пока храните дело в молчании. Пожалуйста составьте коротенькое резюме Вышей статьи.» Это резюме (ответ на доклад цензора) Е. Е. Голубинский составил было и послал прот. П. А. Преображенскому, но тот уже переменял свое решение и 22 Ноября писал Е. Е. Голубинскому: «пора Вам и мне отдохнуть. Забудем пока проделку Цензурного Комитета и оставим теперь мысль о протесте письменном. Мне представляется, что Ваше введение или общие вопросы, так испугавшие цензора — до омрачения смысла..., должны бы составить послесловие — вывод из отдельных глав или статей об отдельных пунктах по исследуемому предмету. Начните статью о значении обрядов и т.д. При свидании поговорим»...

Е. Е. Голубинский совсем отложил печатание в Православном Обозрении этой своей работы, которая увидела свет только в первых пяти книжках «Богословского Вестника» за 1892 г., в бытность ректором Московской духовной Академии архим. Антония (Храповицкого), ныне архиепископа Харьковского. Так как покойный Н. И. Субботин упрекал Н. Ф. Каптерева, что последний статьи свои писал, имея между прочим в виду материальные выгоды (желая угодить раскольникам, чтобы они книгу раскупали), то Е. Е. Голубинский, дабы устранить всякую подобную мысль, велел для себя отпечатать только 50 экземпляров оттисков, ни за что не соглашался на увеличение количества их, а по выходе в свет никому не продавал их. Но и в Богословском Вестнике статьи появились без конца, последней статьи и ее-то Е. Е. Голубинский и пожелал напечатать в Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских. В конце 1895 г. она была набрана и появилась в 1-й книжке Чтений 1896 г.

По выходе означенных статей «К нашей полемике с старообрядцами» Е. Е. Голубинский занялся дополнением и усовершенствованием их для нового издания. Он предполагал выпустить их отдельной книгой и в Ноябре 1897 г. послал ее в Петроградскую духовную цензуру при посредстве проф. Петроградской духовной Академии Н. В. Покровского. Цензора Петроградские не долго держали и в середине января 1898 г. Е. Е. Голубинский получил письмо от проф. Н. В. Покровского и Н. Н. Глубоковского с извещением, что все их старания получить цензурное разрешение были безуспешны. «Смушают их (цензоров) сильные выражения в книге, напр. о троесперстии

² Статья эта (т. XIV Св. Зак.) говорит о том, что Комитет сочинения «одобряет и отдает к напечатанию или не одобряет и отказывает в напечатании сам собою».

и двуперстии и они опасаются взыскания сверху; тем более, что здесь прошел слух, будто старообрядцы облюбовали указанные выражения и ставят их на вид миссионерам» (Н. В. Покровский). «Я, пишет Н. Н. Глубоковский, лично переговорил с о. Председателем Комитета и снова убедился, что теперь всех обуяла такая страхобязнь, что нельзя питать уже никакой надежды».

Потерпев и здесь неудачу, Е. Е. Голубинский отложил эту свою работу в сторону, урывками только дополняя ее, до 1904 г., когда он ее выпустил в тех же Чтениях, возвратившись к ней по напечатании первой половины II тома и вторым изданием 1 и 2 половин I-го тома «Истории Русской Церкви».

«В дни юности Е. Е. Голубинский дал обет написать и напечатать не позднее, как через 35 лет службы Историю Русской Церкви до учреждения Св. Синода». Как известно, 2-я половина I тома напечатана была им в 1881 г. Из отметок Е. Е. Голубинского на первоначальном оригинале 1-й половины II тома видно, что он начал ее писать 12 Мая 1881 г. (но подготовительные работы для нее начал ранее), а закончил почти чрез 2 года — 29 Марта 1883 г. Вероятно вскоре после того им была написана и вторая половина II тома; можно думать не позднее конца 1885 г. «Приготовив второй том к печати вслед за первым, но не видев возможности напечатать его, я, пишет Е. Е., поступил с ним так, как и должен был поступить т.е. положил его в ящик», где он и лежал около 7-8 лет, до 1893-1894 гг., когда Е. Е. Голубинский начал его печатать отдельными главами в «Богословском Вестнике». Здесь он поместил 5 статей из II тома, но статья о митр. Алексее остановила печатание. Речи Е. Е. Голубинского о Московском святителе смутили редактора журнала, а затем и ректора Академии, доброжелательно настроенного к Е. Е., архим. Антония. Е. Е. Голубинский изменил было даже свои выражения, смягчил их, но и это не помогло. О. Ректор пробовал было испросить разрешение митрополита, но не получил его, и заявил Е.Е., что он пропустит статью, но боится, что после того велено будет прекратить издание журнала. Е. Е. Голубинский на захотел такой жертвы и печатание в «Богословском Вестнике» II-го тома кончилось.

Потерпев дважды крушение в «Богословском Вестнике» (со статьями «К полемике со старообрядцами» и II томом Истории Русской Церкви), а затем и в деле об отдельном издании статей своих «К полемике со старообрядцами», Е. Е. Голубинский благосклоннее стал относиться к моим речам о печатании II тома в Чтениях Общества. Я не раз заводил с ним речь об этом, но Е. Е. Голубинский, ничего не возражая, обходил этот вопрос и только в конце 1898 г. я получил от него согласие предложить Обществу его сотрудничество³. Это

³ В своих «Воспоминаниях» Голубинский пишет об этом. Любопытно, что по его мнению Белокурову пришлось долго хлопотать: «Наконец, устроил для меня погоду на море, или дал возможность напечатать мне II том, мой бывший ученик по Академии, а последующий мой истинный и великий благодетель С. А. Белокуров, окончивший курс в 1886 году, а по окон-

мною и сделано было в заседании 21 Декабря 1898 г., происходившем, в виду болезни Председателя Общества В. О. Ключевского, под председательством Действительного Члена В. И. Холмогорова. В бумагах Е. Е. Голубинского сохранилось мое письмо к нему об этом, написанное 23 Декабря. «21-го сего месяца было у нас в Обществе Истории и Древностей Российских заседание, на коем я заявил о Вашем предложении помещать у нас в Чтениях свои работы по истории Русской церкви — как материалы, так и исследования. Согласно Вашему письму я говорил, что Вам прежде всего хотелось бы напечатать в Чтениях статью о митр. Алексее; а от себя я предложил Обществу просить Вас напечатать в Чтениях весь II-ой том Истории Русской Церкви. Общество согласилось со всеми моими предложениями. Так как на заседании не было (по болезни) Председателя Общества В. О. Ключевского, то официальное уведомление получите или после Январского заседания, в коем будет подписан протокол декабрьского заседания, или и ранее сего, если согласится Василий Осипович подписать бумагу. По получении официального извещения — присылайте оригинал, а я позабочусь, чтобы все дело шло успешно. Мне хотелось бы, чтобы Вы печатали в Чтениях весь II-ой том целиком. Когданибудь нужно же его издавать, и лучше теперь, пока есть возможность. О своем заявлении относительно Ваших трудов я не предупреждал Василия Осиповича; надеюсь, что все кончится мирно, к общему благополучию». А в протоколе заседания Общества об этом было занесено так (§ 13): «Действительный Член Общества С. А. Белокуров заявил о желании Действительно Члена Общества Е. Е. Голубинского издать в «Чтениях» некоторые памятники по истории Русской церкви, равно как и труды свои в той же области. Общество, согласившись на помещение работ Е. Е. Голубинского в «Чтениях» на обычных условиях постановило: предложить Е. Е. Голубинскому прежде всего приступить к печатанию II-го тома составленной им Истории Русской Церкви».

Оригинал первой половины II-го тома вскоре был доставлен мне и немедленно приступлено было к набору его под моим наблюдением, причем

чании Академии поступивший на службу в Главный архив Министерства иностранных дел, в котором остается и до настоящего времени, состоя теперь старшим наблюдателем и представляя в нем человека, на котором держится весь архив. Белокуров предложил мне напечатать II том «Истории» в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских» при Московском университете, в котором он состоит казначеем, и просил у меня позволение начать хлопоты в Правлении Общества о допущении к печатанию II тома в «Чтениях». Сначала мне показалось странным печатать в журнале не статью какую-нибудь, а именно книгу, и притом 2-й том курса. Но потом, помыслив и размыслив, что как бы ни печатать, но только бы печатать, я дал ему дозволение о начатии хлопот. По неизвестной мне причине хлопотав довольно долго, Белокуров, наконец, достиг того, что моя «История» была пущена. Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете постановило печатать II том моей «Истории» в заседании 21 декабря 1898 года. В скором времени приступлено было к печатанию 1-й половины II тома, и она явилась в виде книжки «Чтений» 1900 года, по общему счету 192-ой. Окончена она печатанием в апреле месяце» — прим. А. Платонова.

вторые и третьи корректуры, после прочтения их мной, посылались Е. Е. Голубинскому. Печатание шло безостановочно и без приключений вплоть до предисловия и посвящения, к набору коих приступлено было после всего.

Первый том «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинский предполагал посвятить памяти А. В. Горского. На корректурном экземпляре первого листа его, посланном из типографии 24 Февраля 1880 г., на третьей восьмушке напечатано: «посвящается памяти Александра Васильевича Горского, покойного ректора Московской Духовной Академии», а на четвертой ниже следующее:

«История какого-нибудь народа, государственная ли церковная, не может быть обработана сразу, так чтобы вышла совершенною (относительно) из-под пера одного-двух писателей. Для этого обыкновенно бывают нужны труды и усердие более или менее длинного ряда людей.

Обработке русской церковной истории уже положено твердое и прочное начало. Но после начинателей, которым принадлежит (и да будет!) вся слава, как таковым, ожидаются продолжатели. Имея усердие быть одним, хотя бы и самым малым, в числе этих последних, присоединяем наш посильный труд к трудам существующим (преосвященных Платона, Филарета и Макария⁴).

Настоящий том нашей истории позволяем себе посвятить памяти незабвенного человека. Быв учеником покойного Александра Васильевича в том собственном смысле, что мы учились у него в Академии, мы не можем совсем назвать себя его учеником в том несобственном смысле, чтобы были продолжателями его идей, взглядов и мнений и вообще направления. Но он был для нас учителем еще в другом несобственном смысле: его самоотверженная преданность науке и его без всякой риторики, а по самой истине неусыпное трудолюбие воодушевляли нас и вызывали на подражание и соревнование. 31 Дек., 1879».

Намерение Е. Е. Голубинского посвятить первый том «Истории» А. В. Горскому осталось неисполненным потому, как писал впоследствии Е. Е. Голубинский, «что против составленного мной посвящения, неожиданным для меня образом перетолковывая его, восстали некоторые почитатели памяти Александра Васильевича», именно покойный А. В. Викторов (учившийся в Московской духовной Академии при А. В. Горском в 1846-1850 гг.), у которого в Москве останавливался Е. Е. Голубинский (в Московской Академии студентом был в 1854-1858 гг.). Он «сильно обиделся за Александра Васильевича, от которого будто-бы я отрекался, и осыпал меня жестокой бранью. Испугавшись мысли, что и другие могут понять меня так же превратно, как понял Алексей Егорович, я увидел себя вынужденным отказаться от печатания посвящения».

⁴ Вместе с которыми принадлежит слава начинателя русской церковной истории еще преосв. Евгению, митрополиту Киевскому, хотя он, к сожалению, и не писал систематической истории.

Небольшая «история» вышла и с посвящением Е. Е. Голубинским II-го тома «Истории» памяти митрополита Макария. После посвячительной восьмушки набрано было следующее так сказать объяснение причин посвящения этого тома «Истории» митр. Макарию.

«Первый том моей Истории русской церкви я намеревался посвятить памяти Александра Васильевича Горского, примером которого я одушевлялся и которому я соревновал в научном труде. Но намерение осталось неисполненным потому, что против составленного мной посвящения, неожиданным для меня образом перетолковывая его, восстали некоторые почитатели памяти Александра Васильевича⁵. Настоящий второй том Истории считаю своим долгом посвятить памяти высокопреосвященного Макария.

Высокопреосвященный Макарий есть один из знаменитейших наших духовных ученых и один из самых славных наших меценатов или благотворителей и поощрителей науки и духовной и светской⁶. Но его отношение ко мне, которые заставляют меня посвятить его памяти настоящий том Истории, свидетельствуют о том, что вместе с другими качествами и достоинствами он отличался истинно высоким благородством души. Гораций сказал о писателях что они представляют собою *genus irritabile*, наш Пушкин назвал их сословие цехом щекотливым, а без Горация и без Пушкина всем известно, что они суть люди по преимуществу самолюбивые. Но среди рода раздражительного, в цехе щекотливом и между людьми по преимуществу самолюбивыми, высокопреосвященный Макарий составлял редкое и достойнейшее исключение, быв способен не только не воспылать гневом против человека, державшего выступать до некоторой степени соперником ему, но и быть к этому человеку крайне благосклонным и прямо помогать и покровительствовать ему.

Приготовив к печати первый том Истории, я стал перед вопросом: где взять денег на печатание, которых я вовсе не имел. Единственное лицо,

⁵ Мои научные воззрения и вообще моя научная настроенность, как это имело обнаружиться в первом томе Истории, значительно расходятся с воззрениями и настроенностью Александра Васильевича. Но так как я ученик его по академии, то я имел основания опасаться, что иные люди, смотря на мои особенности как на мои недостатки, поставят их в вину ему как моему учителю. Не желая, чтобы это случилось, я и сделал было в посвящении относительно моих научных воззрений и моей научной настроенности соответственную оговорку. Но когда набранное в типографии и оттиснутое для корректуры посвящение я показал покойному А. Е. Викторову, у которого я останавливался в Москве: то он, совершенно неожиданным для меня образом перетолковывая меня, сильно обиделся за Александра Васильевича, от которого будто бы я отрекался, он осыпал меня жестокой бранью. Испугавшись мысли, что и другие могут понять меня так же превратно, как понял А-й Е-ч, я увидел себя вынужденным отказаться от печатания посвящения.

⁶ Пожертвовал на стипендии в училище и семинарии, в которых воспитывался, 35.000 руб-лей, и на премии в четырех духовных академиях за сочинения наставников и воспитанников 90.000 рублей, а всего 125.000 рублей; затем — в Св. Синод и в Академию Наук на выдачу ими поочередно премий — в один год первым за сочинения по предметам бого-словских наук и в другой год второй — по предметам светских наук — 120.000 рублей, а всего вообще 245.000 рублей (не наследованных от предков, а своим трудом приобретенных и своим бережением скопленных)!

к которому я мог обратиться с просьбой о ссуде денег, не прибегая к унижительным просьбам и поклонам (и сознавая некоторое нравственное право просить их), был митрополит московский с его перервинскими суммами, каковым митрополитом на данное время был именно высокопреосвященный Макарий (ставший митрополитом московским с 8-го апреля 1879 года). Когда я сообщил о своем намерении обратиться к преосв. Макарию с просьбой о ссуде денег кое-кому из своих академических: то мне выразили крайнее удивление и говорили со смехом: «поди-ка, сунься, он тебе задаст». Было и ближайшее основание говорить это: в виде некоторой пробы и в виде некоторого так сказать заявления о себе ученому миру, в 1876-м году я напечатал в Журнале Министерства Народного Просвещения главу из Истории: о христианстве в России до Владимира⁷, и ходили слухи, что преосв. Макарий отзывался об этой моей пробе очень неблагосклонно⁸. Но так как кроме митрополита обращаться за деньгами мне было совершенно не к кому: то несмотря ни на какие худые пророчества и предзнаменования, я решился обратиться... Приехав в Москву, я остановился на сей раз у преосв. Алексея (бывшего профессора академии А.Ф. Лаврова), чтобы для поездок к преосв. Макарию, который жил на даче в Черкизове, — дело было летом, пользоваться его архиерейскими лошадьми. Узнав о причине приезда, т.е. что я приехал просить у митрополита денег в заем на печатание истории, преосв. Алексей рассмеялся и с словами: «ну, гусь», покачал сомнительно головой и сделал гримасу, которая говорила тоже, что говорили мне в академии, т.е. «поди, сунься, он тебе покажет деньги». На сомнения преосв. Алексея я отвечал, что кроме митрополита мне не у кого более просить денег и что если он не даст, тогда и делу конец, — и попросил его ссудить меня лошадью. Понятно, что я ехал к преосв. Макарию не с совершенно полной надеждою и не с особенно спокойными чувствами. Приезжаю в Черкизово и введенный в приемную митрополита жду с трепетом, что будет..., и было то, что выходит преосв. Макарий, принимает меня необыкновенно любезно и с величайшею готовностью изъявляет согласие удовлетворить моей просьбе, при чем, поручая мне написать формальную бумагу на его имя. Предоставляет мне назначить условия займа, какие я сам найду для себя удобными, и говорит, что он положит резолюцию на бумаге не читав ее^{9 10}. Я вышел

⁷ За что должен принести позднюю усерднейшую благодарность тогдашнему редактору Журнала Л. Н. Майкову.

⁸ В «Воспоминаниях» Голубинского в этом месте добавлено следующее предложение: «Владимир Сергеевич Соловьев передал в Академии, в которой некоторое время был вольно-слушателем, что Макарий очень бранил меня его отцу». К этому тексту имеется примечание редактора о том, что он внесен в текст посвящения позднее. — прим. А. Платонова.

⁹ Не предвидев, что преосв. Макарий умрет так скоро (он скончался 9 Июня 1882-го года) и что мне придется уплачивать часть долга уже при его преемнике, я сплеховал относительно условий.

¹⁰ В «Воспоминаниях» Голубинского приводится и история уплаты им долга Перервину мо-настырю. «Наконец, неприятная история с уплатой мною долга Перервину монастырю.

или лучше сказать, выскочил от владыки и летел к преосв. Алексею на Савинское подворье не помня себя. Когда на вопрос преосвященного: «ну, что» я рассказал ему, как принял меня владыка и как отнесся к моей просьбе, он, можно сказать, весь превратился в удивление и изумление...

Иные могут думать и говорить, что не Бог-де знает какая важность, что преосв. Макарий дал тебе денег в заем на печатание Истории. Но они должны они понять, что действительная большая важность, если никто из людей составлявших по отношению к преосвященному Макарию круг людей, так сказать, сведущих, и не верил и не ожидал, чтобы он встретил мою просьбу так, как он ее встретил. По отношению к другому митрополиту было бы не особенно важно, что он дал профессору академии денег в займы (и было бы только замечательно тем, что представляло бы, если не ошибаюсь первый пример ссуды митрополитом профессора и при том ссуды довольно большой, в целые две тысячи пятьсот рублей)¹¹. Но совсем другое дело по отно-

При жизни преосвященного Макария я уплатил тысячу рублей и ко времени его преемника митрополита Иоанникия остался должен 1500 руб. Дававший мне деньги архимандрит Никодим был переведен в другой монастырь, а на его место поставлен был привезенный Иоанникием архимандрит Викентий. Этот Викентий, нашедши в бумагах, что я состою должным монастырю полторы тысячи рублей, начал устно наказывать мне с разными знакомыми, чтобы я поспешил с уплатой долга. Наконец, подал на меня формальную жалобу митрополиту. Я имел деньги для уплаты долга, но, так как, с одной стороны, я не связан был никаким обязательством относительно срока уплаты и знал, что Перервин монастырь не нуждается в деньгах (архимандрит Никодим, выдавая мне деньги, прямо сказал мне, чтобы я не заботился о скорой уплате), а с другой стороны — желал иметь наличные деньги на случай возможности напечатания II тома, то я не спешил с уплатою долга. Митрополит, приехав к Троице, в первое же свидание с ректором Академии разбил мне меня за неплатеж долга. Ректор, призвав меня к себе и сообщив, что митрополит очень бранит меня, советовал пойти к нему для объяснения. На другой день я действительно пошел к митрополиту и, приняв от него благословение, сказал ему: «Являюсь к вашему высокопреосвященству по тому поводу, что, как сказал мне отец ректор Академии, вы очень браните меня». Митрополит, ничего не сказав на эти мои слова, посадил меня и начал читать мне лекции или поучение о том, что денежка любит счет. Я слушал некоторое время, а потом встал и сказал: «Деньги для уплаты у меня есть, но я медлил с уплатой потому-то и потому-то» — что сказано сейчас выше. «Если же Вы непременно требуйте, чтобы я уплатил долг, то я завтра же пошлю деньги в монастырь». С этими словами я раскланялся митрополиту и на другой день действительно послал в монастырь все полторы тысячи рублей. Митрополит после говорил ректору Академии, что Голубинский очень сердитый человек» — примечание А. Платонова.

¹¹ Возможно это был не только первый, но и последний случай. Во всяком случае протопр. Г. Шавельский в своих воспоминаниях писал: «Церковь обладала огромнейшими средствами, которые могла широко использовать для культурно-просветительных и благотворительных целей. Нельзя сказать, чтобы эти средства никогда широко не тратились. Наши митрополиты и архиепископы, пользуясь всем готовым для жизни, получали жалованья с доходами по 30, 40, 50 и даже, как Киевский митрополит, до 100 тысяч рублей в год. Некоторые монастыри утопали в сытости и довольстве. Но для целей высоких часто не находилось денег. Наши духовные академики до последних дней владели нищенское существование. И ни один из митрополитов не задумался над такого рода ненормальностью, что ординарный профессор Академии, иногда, как Болотов, Глубоковский, Катанский — европейская знаменитость, по-

шению к преосв. Макарию, ссудившему деньгами именно меня и именно на известную потребность. Я написал и собрался печатать свою Историю русской церкви в то время, как он печатал свою Историю русской церкви. Само собою предполагается, что при этом я имел в виду до той или другой степени исправлять и дополнять его, ибо иначе зачем бы и для какого смысла я стал бы и печатать свою Историю, и во всяком случае я выступил с своей Историей как бы его соперником. Так вот, я написал Историю русской церкви до некоторой степени против Истории преосв. Макария и до некоторой степени как бы в замен ее, - и обратился к нему с просьбой о ссуде денег для напечатания этой Истории, иначе сказать: я написал книгу до некоторой степени против преосв. Макария и обратился к нему с просьбой о сужении меня деньгами для напечатания этой, до некоторой степени против него написанной книги. От человека обыкновенных качеств души надлежало ожидать, как все и ожидали от преосв. Макария, что он встретит явившегося соперника себе если не с открытым, то с скрытым гневом и откажет ему в средствах печататься если не грубо, то как нибудь благовидно. Но преосв. Макарий не поступил так, как ожидали, а напротив поступил так как вовсе не ожидали: и сие несомненным образом свидетельствует, что он был качеств души далеко не совсем обыкновенных. Он был способен и имел готовность жертвовать

лучал три тысячи рублей в год, без квартиры и квартирных, а псаломщик соседней с Академией столичной церкви имел почти четырехтысячный годовой доход и роскошную готовую квартиру; иеромонах Александро-Невской Лавры при готовом столе и квартире — свыше 2 тысяч руб. в год; сам же одинокий митрополит получал десятки тысяч. Экстраординарные профессора получали по 2 тысячи руб. в год, а доценты 1.200 р. с вычетом, квартир не полагалось. Таким образом, наши духовные профессора *volens-nolens* проходили обет нищеты. Академиям отпускались крохи на издание ученых сочинений, на приобретение книг и почти ничего не давалось на ученые командировки. Профессора академий были обескровливаемы нищетой, не оставлявшею их, если они не устраивались как-либо иначе, до самой смерти; безденежье обрезывало у Академий крылья для научного полета. То же надо сказать и о просветительной и благотворительной деятельности Церкви вообще, исходившей от инициативы Синода и епархиальных властей. При Синоде существовало издательство Училищного совета в Троицко-Сергиевской и Киево-Печерской Лаврах, Лавре Почаевской и еще кое-где издавались листки и брошюры. Но всё это было слишком ничтожно в сравнении с тем, что должно было и что могло быть. В расходовании сумм на подобные высокие, огромного значения для Церкви, цели Св. Синод проявлял какую-то осторожность и как будто скупость, которые становились сугубо непонятными и странными при проявлявшейся им в других случаях огромной щедрости. Вспоминаю такой случай. На повестке одного из синодальных заседаний 1916 г. стояло дело об изыскании средств на увеличение содержания трех Сибирских архиереев — Иркутского, Тобольского и Томского, слабее других обеспеченных. Против необходимости лучше обеспечить этих архиереев никто из членов Синода на заседании не возразил. Задумались лишь, откуда изыскать средства. Архиепископ Новгородский Арсений дал совет: взять полтора миллиона рублей из капитала Перервинского монастыря (Моск. еп.) и из процентов от этих полутора миллионов выдавать указанным архиереям дополнительное содержание. Никто не возразил ни слова. О, если бы эти полтора миллиона рублей, — а их можно было бы по крайней мере удесятерить, взяв из нескольких монастырей! — были бы употреблены на духовно-научные и просветительные цели!» — примечание А. Платонова.

своим личным самолюбием пользе науки: не отрицая возможности того, что я до некоторой степени дополняю его Историю, он встретил меня не как дерзкого человека, выступающего соперником ему, а как желаемого себе сотрудника. Не знаю, может ли высокопреосвященный Макарий вообще быть ставим на одной степени с митрополитом Платоном: но его поведение по отношению ко мне истинно напоминает сего последнего...

Не ограничиваясь тем, что ссудив меня средствами напечатать мою Историю (т.е. первый ее том), что для меня было весьма важно и в том отношении, что цензор книги (ректор академии С. К. Смирнов), видя благосклонность митрополита, и сам стал благосклонным, высокопреосвященный Макарий явился моим защитником, когда угрожала мне неприятность не получить за мою историю доктора Богословия и следовательно — не получить в академии звания ординарного профессора. (А когда я явился к нему, чтобы благодарить его, он наговорил мне столько комплиментов, что привел меня в совершенное смущение).

Вообще отношение ко мне высокопреосвященного Макария по поводу моей Истории русской церкви таковы, что только от всей души и от всего сердца я могу восклицать: да будет благословенна его память! (Есть еще человек, которому я обязан искреннею и глубокою благодарностью за доброжелательное отношение ко мне как к ученому, это бывший обер-прокурор св. Синода покойный граф Д. А. Толстой. Если я не успею засвидетельствовать ему моей благодарности нарочитым образом, то пусть она будет засвидетельствована в этих ненарочитых и немногих строках. Если бы вскоре после напечатания мною первого тома Истории преосв. Макарий не скончался, а граф Димитрий Андреевич еще ранее смерти преосв. Макария, во время печатания второй половины тома, не оставил должности обер-прокурора: то, по всей вероятности, я в состоянии был бы печатать ее безостановочно)¹².

¹² Нужно отметить, что добрым отношением обер-прокурора графа Д. А. Толстого Голубинский обязан А. В. Горскому, о чем он пишет в своих «Воспоминаниях»: «Написав два сочинения, составляющие как бы введение в курс Русской церковной истории, я решил, прежде чем приступить к обработке этого последнего, совершить научное заграничное путешествие преимущественно к южным православным славянам и грекам. Дело о путешествии я начал не обычным порядком, а обходя этот порядок. Если бы я начал обычным порядком и вошел в Совет Академии с просьбой об исходатайствовании мне отпуска в заграничное путешествие, то старички, сидевшие в правлении Академии и не особенно меня жаловавшие за нехождение к ним для выпивания водки, для игры в карты и для расшаркивания пред ними, несомненно, заставили бы меня досыта наклоняться им. Я прямо послал прошение об отпуске обер-прокурору Синода графу Дмитрию Андреевичу Толстому, подробно изъяснив ему в прошении причины, по которым мне желательно было бы совершить путешествие. Граф Толстой, получив мое прошение, запросил обо мне ректора Академии А. В. Горского. Александр Васильевич в ответ на запрос графа Толстого послал ему самый лестный обо мне отзыв, в котором расхваливал и вообще ученую деятельность мою и только что напечатанное сочинение «Краткий очерк». Содержание своего отзыва Александр Васильевич сообщил мне сам. Вскоре после отсылки им отзыва я пришел к нему в добрый, что называется, час, т. е. когда он бывал в очень хорошем расположении духа. Поговорив со мной о том, зачем я при-

Вот это объяснение причин посвящения тома митр. Макарию и имело свою «историю». Вероятно и сам Е. Е. Голубинский колебался в напечатании его, потому что полученную от меня корректуру объяснения он переслал на просмотр профессору же Академии П. И. Горскому, с коим одновременно кончил курс Академии и был весьма дружен, и получил от него 27 Ноября 1899 г. следующий ответ: «Я сегодня приду к Вам пить чай: но корректурные листы посылаю теперь же, желая, чтобы Вы вечером спокойнее и беспристрастнее обсудили следующее мое впечатление: «по тону и фельетонно развязному изложению я не считаю посвящение достойным ни Вас, ни митрополита Макария».

Председатель общества В. О. Ключевский, которому я счел нужным показать корректуру объяснения, также неодобрительно отнесся к нему. 7 Декабря я писал Е. Е. Голубинскому: «Еще в рукописи прочитав Ваше объяснение, я покачал головой и сказал себе: «ну, гусь». Да разве такие посвящения пишут? Ведь это не посвящение, а какой-то фельетон. Все это уместно и очень в каких-либо Воспоминаниях, но не в посвящении. Последнее должно быть кратко и написано совсем особым стилем. Часто посвящения, и даже весьма часто, состоят из одной странички, на коей изложено в нескольких (5-10) строках: кому посвящается и за что. Для Вашего посвящения было бы достаточно двух четверток: на одной — кому, на другой четвертке (двух страницах) — причины посвящения. Можно оставить те же самые мысли, что и сейчас, но сократив изложение выкинув лишние подробности напр. о поездке Вашей на архиерейских лошадях в Черкизово и пр... Некоторые фразы также останавливают особое внимание и их придется или заменить или выкинуть. Все — что пишу — результат «генерального» совета¹³. Не сердитесь и не обижайтесь, потому что никто ни о чем другом кроме пользы делу не думает. Поэтому возвращаю Вам посвящение для переделки. Оно не задержит выхода книги».

Еще до получения этого моего письма Е. Е. Голубинский, очевидно, под влиянием беседы с П. И. Горским, решил изменить объяснение причин посвящения и составил несколько (до 5) проектов нового объяснения на случай, если набранное «будет забраковано». Получив мое письмо, Е. Е. Голубинский написал следующую «последнюю редакцию» объяснения: «Вместо

шел, он посадил меня, вынул из стола листок и со словами: «Вот я прочитаю вам отзыв об вас, который я послал обер-прокурору Святейшего Синода», начал читать. Отзыв был до того хвалебным, что я несколько послушал его, а потом мне стало неловко слушать усиленные похвалы о себе, так что я встал и, попросив от Александра Васильевича благословения, ушел от него, не дослушав до конца отзыва. Черновик отзыва, вероятно, сохраняется в бумагах А. В. Горского, а беловик — в бумагах графа Толстого. В ответ на отзыв Александра Васильевича граф Толстой прислал ему письмо, в котором изъявил свое согласие на мое путешествие.» Этот отзыв сохранился в архиве Синода (РГИА. ф.796. Оп. 153. ед. 918. Готовится к публикации в «Церковно-историческом вестнике») — примечание А. Платонова.

¹³ С Председателем Общества В. О. Ключевским и Секретарем Е. В. Барсовым.

послесловия (отрывок из воспоминаний). Посвящая книгу памяти высокопреосвященного Макария, я считал нужным объяснить, почему я сделал это. На нижеследующих страницах я и даю требуемое объяснение. Вместо конца книги ему надлежало быть помещенному в начале ее, в качестве посвящения; но некоторые из людей компетентных, которым я, на всякий случай, давал читать его, нашли, что тон его далеко не соответствует его назначению, что это — не посвящение, а какой-то отрывок из воспоминаний. Не соглашаться с мнением людей компетентных значило бы обнаруживать достойное порицания упрямство, в котором я вовсе не желаю быть обвиняем. Но так как, с одной стороны, я не умею изменить тона объяснения (не прибегая к ненавистной мне риторике), а с другой стороны — ради памяти высокопреосвященного Макария мне не хочется и просто зачеркнуть и выбросить его: то вместо начала книги я помещаю его, в виде отрывка из воспоминаний, на конце последней, питая надежду, что строгие требования относительно тона, предъявляемые к началу книги, составляющему ее лицо, и к объяснению, носящему титул посвящения, не будут предъявляемы к захолустному и невидному месту на конце книги и к объяснению, носящему скромное название отрывка из воспоминаний».

Телеграммой от 10 Декабря я советовал Е. Е. Голубинскому лично переговорить с В. О. Ключевским в ближайший приезд последнего в Академию. В. О. Ключевский предлагал, между прочим, вместо слов об А. Е. Викторове: «осыпал меня жестокой бранью» поместить: «набросился на меня с обычной своей добродушной резкостью»; вместо слов об академических сослуживцах: «мне выразили крайнее удивление и говорили со смехом: поди-ка, сунься, он тебе задаст» сказать: «выразили мне большое сомнение». Е. Е. Голубинскому не нравились эти исправления и он зачеркнул их. Сам Е. Е. предполагал было сделать след. изменения: вм. «в цехе щекотливом» поставить «в сословии щекотливом»; вм.: «ну, гусь» — «вот так хорошо»; выкинуть благодарность в примечании Л. Н. Майкову и в конце объяснения графу Д. А. Толстому. В бытность свою на Рождественских праздниках 1899 г. у Е. Е. Голубинского в Сергиевом посаде я убеждал его сдаться и не делать какой-либо истории из-за этого объяснения посвящения, которое могло возбудить лишь лишние разговоры, что также могло отразиться и на выпуске II-го тома «Истории». Е. Е. Голубинский согласился и его первоначальное объяснение заменено было нижеследующим: «Высокопреосвященный Макарий, в бытность которого митрополитом Московским (1879-1882) издан мною первый том Истории Русской Церкви, доставил мне возможность напечатать этот первый том и по поводу его явил себя моим благожелательным покровителем. Искренняя и горячая благодарность ему за то и другое и обязывает меня посвятить его памяти настоящую первую половину второго тома Истории Русской Церкви».

Таким образом все «недоразумение» с объяснением причин посвящения тома митр. Макарию благополучно разрешилось... В то время приходилось

думать: не задержит ли выход нового тома Истории цензура? Но и на этот печальный случай были приняты меры относительно отдельных оттисков тома, так как книжки Чтений Общества освобождены от цензуры и след. их не могло постигнуть какое-либо несчастье. 2-го Марта 1900 г. книга «Чтений» с первой половиной II-го тома «Истории Русской Церкви» благополучно, без каких-либо «трений», увидела свет, была затем разослана по обычному списку, а оттиски сброшюрованы и поступили в мое распоряжение¹⁴.

Выход нового полутома «Истории» Е. Е. Голубинского был большим событием и возбудил много толков. До чего это было неожиданно и казалось невозможным, показывает случай с объявлением в Синодских Церковных Ведомостях о выходе этого полутома. Согласно желанию Е. Е. Голубинского, мною было послано в эти Ведомости обычное объявление о выходе новой книги, объявление ничем не выделявшееся из среды других. Письмо мое направлено было в Кантору Ведомостей, а ответ я получил от Редактора их протоиерея П. А. Смирнова (от 4 Мая 1900 г.). «Получено от Вас, писал он, письмо в Редакции Церковных Ведомостей с просьбою напечатать объявление о продаже первой половины II-го тома Истории Русской Церкви профессора Е. Е. Голубинского. Книга сия не могла не обратить на себя общего внимания, но вместе с сим много говорят и о том окольном пути, каким она вышла на свет Божий. В виду этих толков печатание объявления о книге, вышедшей в свет без дозволения духовной цензуры и с некоторым укрытием от оной признается не совсем удобным в Синодальном органе». Так это объявление тогда и не было помещено. Но взгляды переменились, когда стало известно отношение К. П. Победоносцева к выходу книги.

В начале 1881 г. Е. Е. Голубинский послал К. П. Победоносцеву только что вышедшую тогда вторую половину I-го тома «Истории Русской Церкви» и получил от него следующий ответ (от 1 Мая): «За многими заботами, а потом за ужасным потрясением 1 Марта не мог до сих пор благодарить Вас за полученную от Вас еще в начале года 2-ую часть любопытного Вашего труда. Со скорбью смотрю на нее и думаю: когда-то будет мне досуг не просматривать только, а читать книги!» — Первую половину II-го тома Е. Е. Голубинский не посылал К. П. Победоносцеву, но последний читал ее в книжке Чтений, которые своевременно, по выходе в свет, доставлялись ему, как Действительному Члену Общества. 1 Сентября 1900 г. К. П. Победоносцев писал из Царского села секретарю Общества Е. В. Барсову: «Читаю с удовольствием и с интересом изданный Вами II-й том «Истории» Голубинского. Будем ожидать — чрез Вас — второй половины. Но вот что приходит на мысль. I-го тома давно уже нет в продаже, а многие желают иметь его. Для чего бы Вам не издать его тем же путем, на этот раз тем удобнее, что

¹⁴ В это же время Е. Е. Голубинским напечатан был в «Чтениях» (1900 г., кн. II) отзыв о II-ом томе сочинения С. Т. Голубева «Петр Могила и его сподвижники», представленном на соискание премии Г. Ф. Карпова.

первое издание прошло уже через духовную цензуру. Я слышу, что и автор желал бы повторить издание».

Такое отношение к «Истории» Е. Е. Голубинского столь авторитетного лица, как К. П. Победоносцев, придало еще более энергии и Е. Е. Голубинскому, и мне. Общество охотно согласилось на переиздание I-го тома «Истории»; не было остановки и за автором. 15 Ноября того же 1900 г., т.е. через 2 ½ месяца после письма К. П. Победоносцева, Е.Е. Голубинский привез мне первые 400 страниц для нового издания первой половины I-го тома «Истории Русской Церкви», в дополненном и частью переработанном виде, которые тотчас же и были отданы в набор. 21 Июля 1901 г., т.е. через 8-9 месяцев, эта половина I-го тома «Истории» уже вышла в свет (3-я книга Чтений 1901 г.) и 19 Августа Е. Е. Голубинский послал один экземпляр ее К. П. Победоносцеву при следующем письме: «Общество Истории и Древностей Российских» напечатало первую половину I тома моей «Истории Русской Церкви» вторым изданием по Вашему приглашению. Принося Вам искреннюю великую благодарность за доставление мне возможности второго издания половины тома, считаю своим долгом почтительно поднести Вам экземпляр издания. В предисловии к книге я не нашел возможным без Вашего дозволения сказать прямо, что она напечатана по Вашему приглашению, а испрашивать у Вас дозволения я также не решился. Если бы Вы не нашли неудобным дать мне это дозволение, то я не преминул бы печатно засвидетельствовать мою подлинно великую благодарность Вам». К. П. Победоносцев немедленно же (24 Августа) отвечал Е. Е. Голубинскому. «Искренне радуюсь появлению в печати вновь I-го тома Вашей «Истории» и благодарю заранее за ожидаемое получение его от Вас. Вместе с тем спешу Вас уведомить, что мне несколько не желательно упоминание в печати моего имени по поводу этого издания, тем более, что Е. В. Барсов мог вполне и без моего к сему приглашения напечатать в издании Общества труд Ваш, коего многие ищут на книжном рынке и не находят».

Изменилось теперь и отношение редакции Синод. Церковных Ведомостей. Объявление о выходе вторым изданием первой половины I-го тома послано было мной для напечатания прот. П. А. Смирнову при следующем письме: «Год тому назад я послал объявление в редакцию Церковных Ведомостей для напечатания в последних — о выходе II-го тома «Истории Русской Церкви», составленной Е. Е. Голубинским, и получил сберегаемый мной ответ Вашего Высокоблагословения о невозможности напечатания сего объявления в виду того, что книга вышла без дозволения духовной цензуры. Избежала она последней потому, что все издания Императорского Общества Истории и Древностей Российских (каковым был и II-й том «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского) по Высочайшему повелению освобождены от обыкновенной цензуры. По выходе в свет II-го тома от Ober-Прокурора св. Синода К. П. Победоносцева получено было письмо с извеще-

нием удовольствия, которое доставляет ему чтение сего тома, и указанием о необходимости переиздать I-й том — давно распроданный и существенно необходимый всем. Исполняя это желание столь авторитетного лица, как К. П. Победоносцев, Императорское Общество Истории и Древностей Российских переиздало первую половину I тома и выпустило ее в свет. Думая, что Высочайшее повеление, освобождающее все издания Общества от цензуры, достаточно объясняет «укрытие от духовной цензуры» и что желание обер-прокурора Свят. Синода весьма существенно в данном случае, а то и другое достаточно для оправдания помещения в Церковных Ведомостях объявления о выходе книги Е.Е. Голубинского, я покорнейше прошу Ваше Высокоблагословение прилагаемое объявление поместить в Церковных Ведомостях в размере ½ страницы». — Объявление на этот раз было помещено и более уже не встречалось препятствий к нему и при других, подобных случаях.

Печатание второй половины I-го тома несколько замедлилось вследствие желание Е. Е. Голубинского переиздать статьи по «Истории канонизации святых в Русской церкви», помещенные первоначально в «Богословском Вестнике». Из 260 страниц малого формата составила теперь книга в 600 страниц большой восьмушки. 1 Февраля 1902 г. я получил от Е. Е. Голубинского оригинал этой работы, а в октябре того же года книга вышла из печати.

По выходе «Истории канонизации» Е. Е. Голубинский принялся за вторую половину I-го тома «Истории Русской Церкви». 18 Февраля 1903 г. он привез мне оригинал тома, а в апреле следующего года том был окончен печатанием¹⁵.

После нее Е. Е. Голубинский приготовил к новому изданию свои статьи по полемике со старообрядцами, которые и вышли в 1905 г. новым изданием под заглавием: «К нашей полемике с старообрядцами. (Дополнения и поправки к полемике относительно главнейших частных пунктов разногласий между нами и старообрядцами)», М[осква]. 1905 г. К книге этой Е. Е. Голубинский предполагал еще в 1898 г. присоединить особые снимки с «пререкаемых вещей» (перстосложения, крестов и т. д.) и им составлен был список всех рисунков, долженствовавших быть приложенными к этой книге; но не знаю почему он не привел этого в исполнение, хотя отказа ему в этом со стороны редакции «Чтений» не было.

В это же время он был занят исполнением своей давнишней мечты — составлением «Церковно-археологического атласа». Еще в первом издании

¹⁵ К столетнему юбилею Общества должен был выйти Исторический очерк деятельности его за истекшее время. По плану очерка, составленному В.О. Ключевским, в состав очерка должны были войти обзоры статей по разным специальностям с отметкой значения их для своего и нашего времени. Составление обзора трудов, напечатанных в изданиях Общества, по русской церковной истории взял на себя Е. Е. Голубинский. В бумагах его нашлось начало этой работы — «хронологическо-систематический список» материалов и статей, только начатый. Работа эта была брошена Е. Е. Голубинским, потому что к составлению очерка не было приступлено из-за обширной программы очерка, требовавшей многих лет труда.

второй половины I тома он писал: «снабжение книги возможно полным и возможно удовлетворительным археологическим атласом составляло бы нашу горячую мечту; но к сожалению это такого рода неудобноисполнимая мечта, об осуществлении которой напрасно было бы для нас думать скольконибудь серьезным образом»... Этой его давнишней мечте суждено было осуществиться благодаря с одной стороны избранию Е. Е. Голубинского ординарным академиком Императорской Академии Наук, «которое настолько увеличило мои денежные средства, что я смело мог приступить к изданию атласа», а с другой благодаря полученному Обществом пособию от душеприказчика А. К. Медведниковой Н. А. Цветкова, которое досталось Обществу благодаря стараниям Действительного Члена его С. А. Петровского и отчасти моим. В 1906 г. появился на свет этот Атлас, о котором Е. Е. Голубинский так долго мечтал.

Это был уже последний труд, в печатании которого Е. Е. Голубинский принимал участие. 7 Декабря 1906 г. он писал мне: «а мои несчастные глаза, увы! имеют себя совсем скверно». Дело в том, что вследствие усиленных занятий, зрение его совсем было испорчено. Он сам признавался, что в «молодые» годы он занимался неблагоразумно много, много до того, что вследствие сильного прилива крови к голове с ним был легкий удар, после которого один глаз уже совсем не видел. После этого случая ему пришлось работать одним глазом, который теперь, в 1906 г., заявил о своей несостоятельности. Е. Е. Голубинский обращался к специалистам — глазным докторам, но те нашли, что время упущено и поправить зрение нельзя... Несмотря на это ослабление зрения Е. Е. Голубинский думал в это время об одной новой работе — описать подробнейшим образом сохраняющиеся в Московской Патриаршей ризнице оба саккоса митроп. Фотия, присоединив к ним подробнейшие снимки с них; «предпринимать издание только удостоверившись, что снимки будут совершенно отчетливы; иначе не предпринимать». Е. Е. Голубинский придавал большое значение тому, что находящиеся на саккосах изображения вышиты «и следовательно не может быть сделано предположение, что после переправлены (см. выше стрр. 499-500 примечание¹⁶); а в них его особенно интересовали «перстосложенные руки пророков, апостолов и святителей». Во время первой моей беседы с ним о саккосах митр. Фотия я указал на новые снимки с них, помещенные в статье А. И. Успенского о Патриаршей ризнице («Мир искусства» за 1904 г. Февраль).

Получив от меня ее, он отвечал (19 Октября 1906 г.): «Вчера получил я от Вас статью Успенского со снимками с саккосов митр. Фотия. Остаюсь недоволен и самыми большими снимками. Я желал бы издать снимки с саккоса или с обоих саккосов Фотия при том непременно условии, что они будут отчетливы до мелочей (для меня лично важная мелочь — перстосло-

¹⁶ Нумерация страниц указывает на опубликованную часть 2-й половины II тома. — примечание А. Платонова.

женные руки пророков, апостолов и святителей). А если нельзя достигнуть желаемой отчетливости, то не стоит и издавать: снимки не отчетливые, дающие общее представление о саккосах уже есть, — Савины, Филимонова и сего Успенского. Сходите к Шереру и Набгольцу и спросите: возьмутся ли они сделать снимки желаемой отчетливости, воспроизводя каждую сторону (обе стороны) саккосов на четырех листах. Если возьмутся, то пусть сделают пробу, сняв на листе четвертую часть которойнибудь стороны которогонибудь саккоса (Желательно, чтобы передней стороны большого саккоса). Если проба окажется удачной, тогда будем делать дело. Вы пришлете пробу мне; я приеду с ней к Вам и относительно всего мы решим и условимся обстоятельно. Если же проба окажется неудачной, тогда тут и конец делу (а о стоимости пробы думаю, что она не Бог знает какая)». В другом письме он прибавил: «В бессонную ночь мне пришла в голову грандиозная, так сказать, мысль относительно саккосов митр. Фотия. Издать бы в рисунках оба их и сполна. Если бы только дело сделать хорошо, то это было бы издание истинно монументальное. Весь вопрос в том: можно ли надеяться сделать дело хорошо. Похлопочите о пробе... Изданием этим мы с Вами столько бы приобрели себе славы, что некуда было бы ее и девать»...

Общество, по моему предложению, согласилось издать снимки с саккосов митр. Фотия и просило прокурора Московской Синодальной Конторы разрешить сделать с них фотографические снимки. Разрешение последовало, но оказалось, что снимки с саккосов митр. Фотия готовились (художником М. А. Розановым) к изданию, и притом в красках школой бар. Штиглица в Петрограде.

Между тем Е. Е. Голубинский беспокоился, не получая от меня извещения о ходе дела. «В каком положении, писал он мне 5 Ноября, дело о саккосах российского митрополита Фотия? Издаем фотографические снимки с них или должны отказаться от своего намерения? Изготавливается пробная фотография, о которой я писал Вам и которая должна решить вопрос в положительном или отрицательном смысле?» — На мое письмо с извещением о готовящемся новом издании снимков с саккосов митр. Фотия Е. Е. Голубинский 14 Декабря отвечал: «Я писал Вам, что мы предпримем издание фотографий с саккосов только в том случае, если окажется, что изображения, вышитые на саккосах, будут воспроизведены фотографией совершенно удовлетворительно, именно — совершенно отчетливо. Подождите, пока кончит свое дело Штиглицовский художник, и потом закажите фотографу сделать два пробные снимка. Какие именно сделать снимки, для этого прошу Вас взять Савин Указатель патриаршей ризницы с рисунками, найти в нем таблицу рисунков VI и смотреть снимки с Фотиева саккоса. Та и другая, передняя и задняя, стороны саккоса разделены по длине на три части: среднюю, обведенную полоской, на которой вышит символ веры, имеющую сверху поперечное тябло (деисус), и две части боковые. Так, нужно

снять среднюю часть передней стороны и именно снять в двух снимках, — на одном всю ее (среднюю часть передней стороны); на другом верхнюю ее (части) половину. Два снимка нужны для решения вопроса: сколько делать всех снимков с саккосов. Этим всем снимкам, по моему мнению, нужно будет сделать 16 или 28. Нужно будет, во первых, снять все четыре стороны обоих саккосов (две стороны одного и две стороны другого) в полном их виде. Потом нужно будет снять все три части всех четырех сторон каждую особо и именно или каждую часть в полном виде на одном рисунке или же каждую на двух рисунках, разделяя их на половины верхнюю и нижнюю. В первом случае будет 12 рисунков, а с 4-мя вышеуказанными 16 рисунков; во втором случае будет 24 рисунка, а с теми же 4-мя 28 рисунков. Вопрос о количестве всех рисунков должны будут решить пробные фотографии. Если и в полном виде снятые фотографии с трех частей четырех сторон будут достаточно отчетливы, то 16 рисунков; в противном случае 28. Скоро или не скоро изготовятся у Вас пробные фотографии, во всяком случае ранее праздника я к Вам не приеду»...

Решение ждать появления снимков саккоса митр. Фотия в издании школы барона Штиглица имело своим последствием то, что издание их, предполагавшееся Е. Е. Голубинским, не состоялось¹⁷: зрение его настолько испортилось, что ни о какой новой работе не приходилось думать...

Осенью 1908 г. Е. Е. Голубинский разрешил приступить к новому уже давно подготовленному им изданию книги «Преп. Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра». Ранее он не соглашался на переиздание этой работы в виду того, что не все экземпляры 1-го издания, за которое он получили гонорар, разошлись и согласился на это после того, как Редакция «Богословского Вестника» решила первое издание разослать в виде приложения к журналу. В редактировании и редактировании этого издания Е. Е. Голубинский из-за глаз не принимал уже участия. По окончании печатания книги (1909 г.), он доставил новое предисловие, в которое он вставил по отношению ко мне слова: «мой истинный добрый гений по изданию сочинений моих» и по поводу их писал: «на комплименте я решительным образом настаиваю, приветствуя Вас таким образом от чистого сердца». А по выходе издания в свет прибавил: «приношу Вам усерднейшую благодарность за книгу. При своей слепоте я сам ничего не могу сказать о ней; но все видевшие и видящие ее зрячие люди отзываются о ней, т.е. об ее рисунках и об ее издательской стороне, с весьма большими и решительными похвалами. Честь Вам и слава! Желаю, чтобы книга разнесла Вашу славу по всем концам Русской земли, что было бы и для меня не безвыгодно».

Эта книга — последняя работа Е. Е. Голубинского, появившаяся в «Чтениях» Императорского Общества Истории и Древностей Российских при

¹⁷ Не состоялось издание их и школой бар. Штиглица: рисунок одной стороны саккоса митр. Фотия, повидимому не совсем законченный М. А. Розановым. доселе находится в Патри-аршей ризнице.

жизни автора. Он был их усерднейшим и плодovitейшим сотрудником: всего Е. Е. Голубинским было напечатано при ближайшем моем содействии около 266 печатных листов или 4260 страниц (История Русской Церкви т. I, 1-я половина 992 страницы, 2-я половина 950 стрр., т. II первая половина 917 стр.; Преп. Сергей — 440 стрр., История канонизации святых — 600 стрр., К полемике со старообрядцами 49 + 260 стрр., Церковноархеологический атлас 32 стрр., Отзыв о книге С. Т. Голубева 20 стрр.).

Первоначально что-то имевший против помещения своих работ в «Чтениях», Е. Е. Голубинский впоследствии, когда издание их здесь наладилось, неоднократно выражал благодарность и Обществу и мне лично. А однажды (25 Января 1907 г.) я получил от него письмо, в коем он между прочим писал: «Питаю я чувство искренней и глубокой благодарности к Вам за то, что Вы сделали и делаете для меня. Если бы Вы не пристроили меня в Чтениях, я был бы истинно несчастный человек: духовная цензура не пропускала бы моих сочинений и я сидел бы перед ними и выл бы над ними. Великая услуга Ваша мне и то, что Вы взяли на себя хранение и продажу моих сочинений, иначе я до сыта наплакался бы с ними. Собираясь умирать, я весьма желаю, чтобы у Вас были от меня какиенибудь вещи, которые бы напоминали Вам обо мне... Настоятельно и решительно прошу Вас не отказываться: отказом до последней степени огорчите меня. Благодарнейший Вам Ваш Е. Голубинский»... Недели за три до смерти (†7 Января 1912 г.) когда я виделся с Е. Е. в последний раз, он снова благодарил меня за помощь в издании его работ, за то, что я пристроил его в «Чтениях»...

Нотариальным духовным завещанием он предоставил мне в мое полное распоряжение все свои ученые бумаги, равно как продажу всех своих книг и новое их издание. В исполнение этой воли мной в 1913 г. в тех же «Чтениях» Общества напечатан был сборник статей Е. Е. Голубинского по вопросу о реформе в быте Русской Церкви. Издание этих именно его работ поставлено было мной, как писал я в предисловии, на первый план, во 1-х, потому, что несмотря на 8-летние почти обсуждения этого вопроса и в печати и в созванном особом «Предсоборном присутствии» церковная реформа доселе не состоялась; во 2-х, потому, что ныне вторично высшею церковною властью обсуждаются все эти вопросы, и выслушать голос знаменитого историка Русской Церкви, горячо любившего ее искренно желавшего улучшения ее, — далеко не бесполезно; и в 3-х, потому, что эти именно вопросы и служили предметом бесед Евгения Евсигнеевича в самые последние годы, месяцы и дни его жизни. Не будучи уже в состоянии заниматься своими любимыми историческими трудами (вследствие постигшей его слепоты), он постоянно обсуждал проект церковной реформы и говорил о необходимости увеличения числа архиереев на Руси, указывая всем на правило: *Εκαστή πόλις ἰδίον ἐπίσκοπον εἶχετο*.

По напечатании первой половины II-го тома, по выходе новым изданием первой и второй половины I-го тома, при каждом удобном случае заводил

я речь с Е. Е. Голубинским об издании второй половины II тома Истории Русской Церкви, но всегда получал ответ, что хотя она и написана, но требует еще большой, подготовительной к печати, работы, что ее надо переделать. По окончании печатанием 2-ой половины I тома он решил было приготовить к печати 2-ую половину II тома. «В мае 1904 г., пишет он в особой записке, вложенной в оригинал 2-ой половины II тома, по приезде домой из Петербурга, я принял было за приготовление к печати 2-ой половины II тома Истории Русской Церкви. Но вскоре увидел свое старческое бессилие сделать дело, и оставил его. Да простит меня Бог и да простят меня люди, которых интересует дело». После этого на все мои слова об издании ее он говорил одно: «после моей смерти издадите» и с трудом дал согласие приступить к печатанию ее, взяв слово, что эта половина тома будет выпущена в свет только после его смерти. Я настаивал на печатании ее при жизни Е. Е. Голубинского в том расчете, что быть может при издании ее он сделал бы какие-либо изменения или дополнения. В августе 1910 г. я приступил к печатанию этой половины II тома и посылал Е. Е. Голубинскому последнюю корректуру, которую ему читал ныне тоже умерший¹⁸, преемник его в Академии, проф. С. И. Смирнов. Надежды мои на дополнения и поправки или какие-либо изменения не оправдались; Е. Е. Голубинский ни одного слова не добавил в первой, напечатанной при его жизни, главе тома «Управление»...

Неисполнившаяся моя мечта (о каких-либо дополнениях Е. Е. Голубинского при печатании) с одной стороны и принятые мной на себя обязанности по изданию к юбилейному 1913-му году «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским» за время с 1598 по 1615 год (137 и 142 томы Сборника Императорского Русского Исторического Общества) с другой стороны заставили меня на время прекратить печатание дальнейших глав этой второй половины II-го тома. С осени 1914-го года я принялся за подготовку к печати и самое печатание ее. Военные обстоятельства были причиной медленного набора Типографией, в виду чего этот полутом и выходит в свет только теперь.

Вторая половина I-го тома, как известно, была напечатана в 1881 г. К продолжению Истории, за составление II-го тома Е. Е. Голубинский приступил тотчас же по выходе I-го тома, в 1881 г. В предисловии к первой половине II-го тома, он пишет, что «приготовил его к печати вслед за первым». Как я уже говорил, из отметок Е. Е. Голубинского на первоначальном оригинале 1-ой половины II-го тома видно, что он начал ее писать 12 Мая 1881 г., а закончил почти чрез 2 года — 29 Марта 1883 г. на тетради с библиографическим обзором переводной письменности от нашествия монголов до митр. Макария Е. Е. Голубинский поставил дату: «3 Ноября 1883 г.» Из третьей главы второй половины II-го тома видно, что эта глава писана была в 1884-1885 гг.,

¹⁸ С.И. Смирнов почил 4 июля 1916 г. — примечание А. Платонова.

ибо в ней встречаем ссылку на книгу, изданную в 1884 г., а с другой стороны не использованы в ней выписки, сделанные Е. Е. Голубинским в Феврале 1885 г. (см. ниже стрр.). Таким образом можно думать, что первые две главы этой второй половины II-го тома написаны были в 1883-1884 гг.

«Приготовив второй том к печати вслед за первым, но не видев возможности напечатать его, я, пишет Е. Е. Голубинский в предисловии к первой половине тома, поступил с ним так, как и должен был поступить, т.е. положил его в ящик. При этом я, конечно, следил за тем, что писалось по русской церковной истории о времени, которое обнимается этим вторым томом моей Истории. Но не поручусь решительным образом, чтобы не упустил совершенно ничего из вновь написанного. Впрочем, если и упустил что-нибудь, то лишь не имеющее существенной важности, так что не отрицая возможности некоторого количества упущений (разумею новые фактические сведения, а не новые взгляды на основании старых фактических сведений; отсутствие речей о новых взглядах на основании старых фактических сведений должно быть понимаемо в том смысле, что, не разделяя взглядов, мы воздерживаемся от полемики против них), — позволяю себе быть уверенным, что они не таковы, чтобы благодаря им поздно печатаемый второй том моей Истории являлся устаревшим».

Свои дополнительные заметки, а равно сведения, почерпнутые из вновь прочитанных книг, Е. Е. Голубинский (после 1885 г.) частью делал в соответствующих местах оригинала (в конце главы или в различных местах ее), а главным образом заносил в свои тетради выписок, из коих одни предназначены были для одного какого-либо тома Истории Русской Церкви, а иные для обоих томов. Таки образом составилось несколько тетрадей выписок, указываемых ниже (стрр.).

В 1904 г. Е. Е. Голубинский стал было готовить к печати вторую половину II тома. Но сделал это только относительно первой главы ее «Управление», носящей следы многочисленных поправок и приписок; в следующих 2-х главах «Просвещение» и «Богослужение» их очень мало, почти совсем нет. 4-ая глава «Монашество» была не переписана на белом, а дальнейшего оригинала не было написано.

В 1910 г. при начале печатания настоящего полутома, Е. Е. Голубинским решено было, что текст книги будет напечатан в том самом виде, в каком он имеется в оригинале Е. Е. Голубинского, без каких-либо изменений и исправлений. В тех случаях, когда в оригинале Е. Е. Голубинского имелись карандашные заметки о желательных дополнениях, все это по возможности должно было приводиться в исполнение. При печатании первой главы этого полутома (3-ей тома) «Управление» я предполагал, что все дополнения продиктует сам Е. Е. Голубинский; но этого не случилось, и несколько из числа их (именно 15) написано было С. И. Смирновым, а остальные в этой главе и все в следующих были исполнены мной. Все эти дополнения долж-

ны были быть согласны с мнениями Е. Е. Голубинского; поэтому я старался брать их из других сочинений Е. Е., если только в них находилось что-либо подходящее.

Дополнительные заметки к той или другой главе, сделанные в оригинале и в тетрадах, признано было полезным напечатать. Их можно было или все напечатать вместе после текста каждой главы в виде дополнений к ней, или разнести их по соответствующим местам главы. Первый прием значительно облегчал бы дело подготовки к печати оригинала Е. Е. Голубинского, второй несравненно полезнее для дела. Я избрал второй и разнес все дополнения по местам, куда они, по моим предположениям, предназначались Е.Е. Голубинским (никаких отметок, где они должны быть помещены, им не было сделано), включая их главным образом в состав примечаний, которые вследствие этого значительно расширились.

Печатание производилось по беловому, переписанному писцом, оригиналу, причем он предварительно сверен был мной с собственноручным оригиналом Е. Е. Голубинского. К этому, писанному самим Е. Е. Голубинским, оригиналу присоединена им следующая опись: «И.Р.Ц. т. II, отд. II в папке черновой: 1) Управление — 6 тетрадей. 2) Богослужение — нужно бы быть 9 тетрадей, но на лицо 7 тетрадей, недостает 5-й и 6-й тетрадей. 3) Просвещение — 5 тетрадей. Итого 18 тетрадей». На лицо сейчас 20 тетрадей, см. об этом ниже. В беловом списке, переписанном весьма тщательно, оказалось немного пропусков отдельных слов, которые были мной восстановлены. Прибавлены были также мной ссылки на страницы 1-ой половины II тома.

Для того, чтобы дополнения, не принадлежащие Е.Е. Голубинскому, выделить, все они заключены в прямые скобки []. Дополнения, взятые из других сочинений его или из тетрадей выписок, помещены в круглых () скобках (в оригинале второй половины II-го тома имеются также вводные предложения, заключенные в те же круглые скобки).

Если мной сделано какое-либо изменение или дополнение против оригинала Е. Е. Голубинского, оно обязательно отмечается ниже вместе с указанием причин сего или сведений — откуда оно взято.

При печатании старательно выдерживались приемы письма Е. Е. Голубинского; так напр. он требовал, чтобы ставились две точки в тех случаях, если предложение оканчивалось каким-либо сокращением слова: одна де точка обозначает это сокращение, а другая конец предложения. Напр.: «л. 37 об., и стр. 169 fin.», «ibidd.» и др. т. под.

После этих общих сведений о печатании второй половины II-го тома, сообщаю частичные свои заметки и дополнения по главам¹⁹.

¹⁹ В данном издании эти заметки и дополнения опущены — примечание А. Платонова.